

вплоть до кражи или подкупа. Излагается с подробностями рассказ о похищении «святыни» через «окошко просто у церкви вверху». Подробно освещается история «обретения» древа подножия креста после троекратных «знамений». Повествование здесь носит нравоучительный характер: посягавшие на «святыню» стали жертвами бури, разыгравшейся после свершения ими кражи; обладатели подножия креста получили наказание за отсутствие «бережения»: «...и про то древо не было ведомо сорок лет». Поиски этой «святыни» приводят к новому «обретению» ее. Но помещенная по воле архиепископа в соборную церковь, она чудесным образом возвращается в монастырь, откуда ее похитили. На этом обрывается нить рассказа данного отрывка, да и всего сказания.

По поводу последней части сказания необходимо заметить, что сюжет ее отражает сложную реальную обстановку, характерную для истории Кипра с конца XII в., со времени завоевания острова крестоносцами. Распространенная среди греческого населения Кипра со времен раннего христианства православная религия с точки зрения завоевателей представляла большое неудобство. Поэтому здесь возникают католические пышные храмы и соборы. Поэтому, должно быть, «гости» папы римского стремятся завладеть почитаемой на Кипре частицей древа креста Христова. Однако отношение населения острова к этим «гостям», вложившим вклад в монастырь, сделавшим подарки, угостившим «братью и мирян», ничуть не лучше, чем отношение к туркам и другим «иноплеменным». Думается, что эпизод с похищением «святыни» кипрского монастыря дан здесь в таком освещении, которое исключает западное происхождение этого сказания, и в частности его последнего отрывка. Трудно предположить, чтобы, например, немцы, испанские или итальянские источники рисовали с такой явной неприязнью представителей папы римского, изображая их в довольно жалкой роли наказанных похитителей. На Руси в начале XVII в. подобное отношение к римско-католической церкви не редкость. Это видно из русских источников, освещающих период польско-литовской интервенции.

Что касается места действия во втором и третьем отрывках, здесь не все так ясно, как при описании Кириной. Не удастся привязать к карте Успенский монастырь, место нахождения прославленной иконы. Более всего на Кипре почиталась икона, находившаяся в Киккском монастыре. Упоминаемый далее Крестный монастырь, по-видимому, находится на юго-западе острова. Изображение этого монастыря оставил В. Г. Барский. В третьей части сказания противопоставляются «соборная церковь Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрея» и «монастырь слове крест». Представляется, что здесь опущены (при переписке или при пересказе) какие-то более точные наименования города, монастыря, имя папы римского, имя кипрского архиепископа, и в то же время не забыт царь Юстиниан.

Но было бы неверным искать в сказании только документальность и историчность всех его известий. Не следует забывать, что перед нами не Хронограф, не статейный список и не записки путешественника, а литературный памятник с присущим ему художественным бымыслом, тенденцией к гиперболизации и другими специфическими особенностями. Определение жанра этого литературного произведения представляет известную трудность. Основная сложность при его квалификации заключается в том, что это сказание дошло до нас в одном списке и то, видимо, неполностью, в отрывках. Поэтому нельзя судить о композиции и сюжете. Легендарное и достоверное, переплетаясь в нашем списке, получило все же своеобразную форму выражения: язык сказания напоминает разговорную, усгуню речь; ср. записи «в расспросах» в Посольском приказе. Имеет он сходство